

Это

Мгновение. «КРЕСТНИКИ» МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Тридцать три года разделяют два снимка, которые вы видите на этой странице. Первый из них сохранился чудом: он сделан еще до войны, а трудная военная судьба выпала всем артистам Вешенского театра казачьей молодежи, и Наталья Георгиевна Самойлова, хозяйка этой фотографии, — не исключение.

— Я стою в первом ряду слева, — говорит мне Наталья Георгиевна. За окном ее комнаты — тишина, окутавшая станицу Вешенскую в поздний вечерний час, и даже на центральной улице станицы — на улице Шолохова — ни души... — Так вот, сфотографировались мы, помню, в Боковской, после одного из спектаклей. Холодно было, морозно, а нам — хоть бы что! Любимое дело согревало нас, и мы не обращали внимания, как нам живется, главное, что было интересно!

Профессиональный театр, организованный в Вешенской зимой 1936 года по инициативе молодого и знаменитого земляка Михаила Шолохова, относился к числу так называемых колхозно-совхозных театров. Они, работая в невероятно трудных условиях кочевой жизни, были отважными солдатами идеологической войны.

С осени 1933 года в разных театрах нашей страны шли спектакли, поставленные по мотивам романа Михаила Шолохова «Поднятая целина». За право посмотреть спектакль в первую очередь соревновались колхозы и совхозы: таково было политическое звучание книги! Не удивительно, что и на родине писателя Вешенский театр казачьей молодежи было решено открыть «Поднятой целиной».

Над инсценировкой работали сообща — Шолохов, режиссер Борис Барабанов, и, конечно, актеры — вчерашие полеводы, кузнецы, доярки... В инсценировку ввели роль ведущего, и эта роль была поручена Наташе Самойловой.

Вскоре начались репетиции.

Как-то на одну из них пришел Шолохов вместе с колхозным председателем Плоткиным (он, говорят, был одним из тех, с кого Шолохов писал Семена Давыдова).

Барабанов репетировал

сцену «Бабий бунт». Совершенно неопытные артисты, изображавшие гнев женской половины Гремячего Лога против Давыдова, решившего дать часть семенного зерна соседнему колхозу, на совесть били артиста — исполнителя роли балтийского морячка.

Шолохов сидел в зале, смотрел, как трещат кости у актера, а потом сказал Барабанову:

— Ну вот, и расставаться подошло. Четыре года мы казак на быка, а бык на казака работали. И путного у нас ничего не вышло. И вам впроголодь, и мне скучновато. Через это и меняю вас на общую жизнь...



— Борис Николаевич, да разве так можно? Они же убивают парнишку. Ей-богу, живым ему не вырваться.

Барабанов приостановил репетицию, представил Плоткина, а тот и сказал:

— Я, ребята, на своих ребрах испытала этот самый «бабий бунт». Так что бейте, не стесняйтесь, вашего Давыдова, но пожалейте молодые годы вашего товарища. Ему еще жить да жить.

Репетиции шли своим чередом, пока не наступил день открытия театра. Вот несколько раз в зале моргнула свет и поднялся занавес. Сразу же зрители захлопали. Декорация изображала ночной хутор Гремячий Лог.

На сцену вышла Наташа Самойлова, и «пошел» текст Ведущего:

— ...Ночь. На север от Гремячего Лога, далеко-далеко, за увалами сумеречных степных гребней, за логами и балками, за сплошняками лесов — столица Советского Союза...

Затем начиналась первая сцена спектакля: Кондрат Майданников прощался с бы

ками, которых он завтра отведет на колхозный баз. Кондрат стоял у боковой кулисы, поглаживая спины невидимых зрителям быков, и говорил.

— Ну вот, и расставаться подошло. Четыре года мы казак на быка, а бык на казака работали. И путного у нас ничего не вышло. И вам впроголодь, и мне скучновато. Через это и меняю вас на общую жизнь...

— Ваш спектакль мне нравится. Это я вам говорю как на духу. И я, видать, вам тоже нравлюсь как автор, если вы после премьеры кинулись меня качать, аж до колосников подбросили...

Михаил Александрович усмехнулся.

— Об одном вас прошу — не кичитесь первой удачей. За нее придут и неудачи, и полуудачи. Все будет... Вот смотрю я на Веру Васильевскую, а у меня перед глазами так и стоит ее Лушка. Как она выходит в ночь к Давыдову, а за сценой бала-лаечка постанывает: «Когда б имел златые горы...» А Лушка Семену, понимаешь, и говорит: «Вся молодость твой пройдет в ду-мах...» Хватит, дескать, думать, за любовь пора приниматься.

Актеры улыбались, видя, как «разошелся» Михаил Александрович.

— Хорошо, Вера, ты играешь, спору нет. А ведь играешь ты не Лушку, а себя, может быть. Вот отсюда и легко у тебя все идет. А вот смотрел я спектакль по моей книге в Москве, там опытная, хорошая актриса какую-то барышню изображает, а не казашку.

Начал Шолохов говорить шутливо, а под конец не на шутку рассердился. Вида, как притихли друзья-актеры, писатель улыбнулся:

— Ладно, хватит про это. Как у вас дела с новым спектаклем? Когда посмотрим «Любовь Яровую»?

...В силу вступали жестокие законы театрального производства, и театр, назвавшийся профессиональным, должен был выдавать «на-гора» все новые и новые спектакли.

17 июля 1937 года начались гастроли Вешенского театра в Ростове. Шолохов очень переживал за своих земляков. Приветствуя их перед началом первых крупных гастролей, он писал: «Поездка театра на гастро-ли в столицу края — радостное событие для всех тех, кому дороги интересы советского театра народного творчества».

Ростовские гастроли театра прошли успешно, и венчанием все лето того года разъезжали по городам Азовско-Черноморского края.

Большим событием для театра стала постановка спектакля «Как закалялась сталь». Костя Зотьев, которому была поручена роль Павки, очень понравился в этой роли матери Николая Островского — Ольге Осиповне. В одном из писем Шолохову она просила, чтобы его «медвежата» — артисты станичного театра имени Комсомола — вновь приехали на гастроли в Сочи.

— Помню, — говорит мне Наталья Георгиевна Самойлова, — как мать Николая Островского пришла к нам однажды после спектакля в сочинском театре. Я играла Павкину маму, а это значит — ее... Она обняла нас с Костей Зотьевым да и говорит: «Только одно у меня к вам замечание, родные мои. У вашего Павки коленочки на брюках порванные, а у нас в доме такого не бывало. Жили мы бедно, но всегда у всех одежда была аккуратно залатана...»

Большая группа казачьих артистов была направлена на учебу в студию при театре имени Горького в Ростове. Тогда в этом театре разошлись

ботали такие большие мастера, как Ю. А. Завадский, В. П. Марецкая, Н. Д. Мордвинов... Они тоже пре подавали в студии. Девять месяцев пролетели, как один день, и впереди была прекрасная жизнь, полная творческих радостей и мучений.

И тут вмешалась война. Одни из станичных артистов погибли на поле боя, других «раскидала» судьба. Но и сегодня есть в Вешенской театр, о котором немало на слышаны в Ростове. Это народный театр драмы.

Участвуя в недавнем смотре народных театров Дона, этот коллектив с успехом показал спектакль «Поднятая целина». Такова, можно сказать, визитная карточка театра, такова традиция: играть на шолоховской земле Шолохова! (На втором снимке — сцена из спектакля вешенцев, показанного во Дворце культуры «Ростсельмаша»).

...Под конец — несколько слов о Вере Васильевской, которая так нравилась М. А. Шолохову в роли Лушки. Последние годы своей жизни она работала в одном из небольших театров Северного Кавказа.

Шел спектакль по станичной испанской трагедии. У ее героини жандармы короля арестовали двух сыновей. Женщина приходит к королю.

— Ваше величество, пожалейте моих мальчиков, — так или примерно так сказала королю женщина.

За сценой раздались два выстрела.

— Поздно, мадам, — сказал король.

Женщина упала и не поднялась. А спектакль пришлось прекратить, потому что прекрасная актриса Вера Васильевская умерла в тот вечер на сцене. Одна из тех — шолоховских «крестников» и «крестниц»...

Ю. НЕМИРОВ.

